

Сюно Масаюки

18+

ЧЕЛОВЕК- НОЖНИЦЫ

Серийный убийца расследует
преступление своего подражателя

INSPIRIA

Сюно Масаюки
Человек-ножницы
Серия «Ток. Японские пазлы.
Детективы, взорвавшие жанр»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74572056
ISBN 978-5-04-255124-6

Аннотация

Роман вошел в три самых авторитетных жанровых десятки: Weekly Bunshun Mystery Top 10, This Mystery Is Amazing! и Top 10 Honkaku Mysteries.

3-е место в рейтинге лучших детективов за десятилетие 1997—2016 – The Best of the Best 10 Authentic Mystery Novels.

Убийца расследует преступление собственного подражателя.

Шокирующий твист и неожиданный финал.

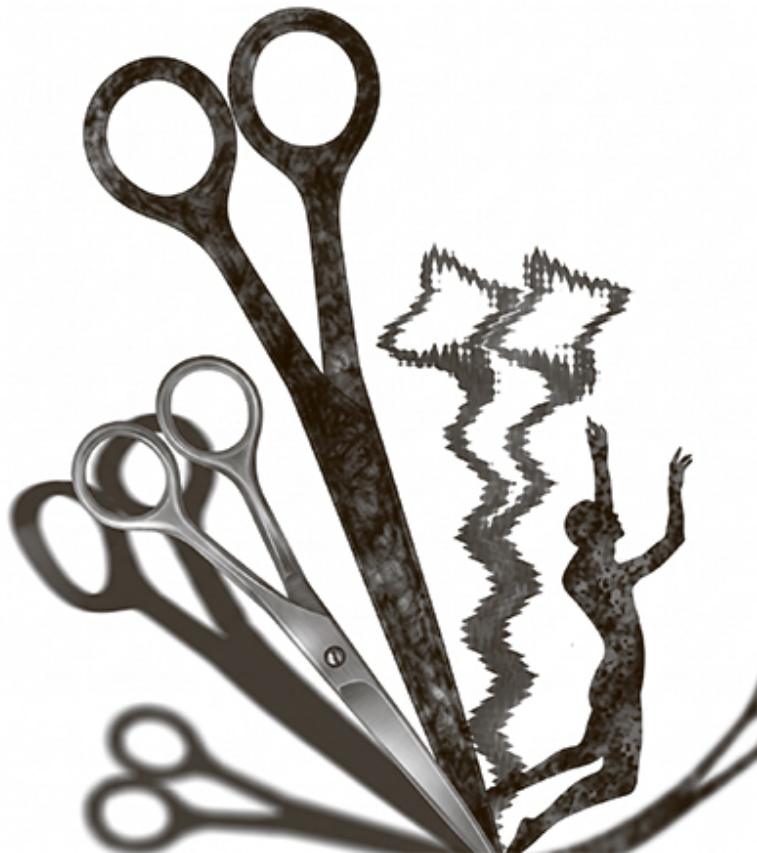
Я – серийный убийца № Е-12, он же Человек-ножницы. Убийца с особым почерком – я душу юных девушек, а потом втыкаю им в шею ножницы, заточенные до остроты ножа для колки льда. Почему я убиваю? Не смогу точно ответить на этот вопрос. Знаю только, что со мной явно не всё в порядке. В моей голове живет Доктор, главное занятие которого – жестоко критиковать меня. Он всегда был одной из моих главных проблем. Пока не случилось это...

Намечена новая жертва. Я, как всегда, долго наблюдаю за ней. Потом жду у дома, чтобы лишить жизни. Но она не появляется. Почуввав неладное, я решаю пройтись ее обычным маршрутом – и что же обнаруживаю? Ее труп с воткнутыми в шею ножницами... Как это, черт возьми, возможно?

Конечно, это убийство припишут мне. Но я-то знаю: у меня внезапно появился подражатель. Мне нужно во что бы то ни стало вычислить его. Раньше полиции. А это будет сложно – расследование возглавляет тренированный ФБР опытный профайлер по прозвищу Псих...

Содержание

1	8
2	17
3	28
4	36
5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сюно Масаюки
Человек-ножницы

####

###

© 2002 Masayuki Shunou. All rights reserved. Published in Japan in 2009 by KODANSHA LTD., Tokyo. Publication rights for this Russian edition arranged through KODANSHA LTD., Tokyo.

© Лебедева А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство Эксмо», 2026

* * *

*Посвящается Айками Ю, который терпеливо
выслушал меня по телефону*

*Чик, чик, чик – стрижет человек-ножницы,
Пресекая игры злодеев.
Чик, чик, чик – стрижет человек-ножницы.
Может быть, он придет и по твою душу.*

Может быть, он придет и по твою душу.
XTC¹ «Человек-ножницы»

¹ Британская рок-группа, относящаяся к числу первых команд альтернативного рока (New Wave); песня вышла в 1979 г.

1

Третья жертва Человека-ножницы живет в Такабане, квартале в специальном районе Мэгуро.

К слову, ранее мне никогда не приходилось слышать о нем, поэтому я понятия не имею, где именно в Мэгуро он находится, какая станция может быть к нему ближе всего и на какую линию метро нужно сесть, чтобы туда попасть.

Начнем с того, что на данный момент я даже неправильно читаю название этого квартала – «Такацугай». Конечно же, это происходит из-за ассоциации со словом «тёцугай»²; мне сразу представляется какая-то гравюра периода Эдо с двумя соколами, летящими крыло к крылу по голубому небу.

Сегодня пятница, десятое октября. Решаю взять отгул на работе и поехать в Такабан. Я все еще не знаю, как выглядит Юкико. Решаю, что на сегодня будет достаточно просто выяснить, где она живет.

За завтраком – тосты, яичница-болтунья, брокколи, сваренная накануне вечером, и кофе со щедрой долей молока – открываю на круглом столе свой любимый карманный атлас

² Слово «тё: цугай» (*яп. ##*) означает дверные петли и происходит от выражения «пара бабочек», так как они напоминают бабочек с раскинутыми крыльями. Название квартала «Такабан» (*яп. ##*) состоит из иероглифа «сокол» (*яп. # така*) и «номер/очередь» (*яп. #*), также стоящего вторым в слове «тё: цугай». Несмотря на то что самым распространенным чтением данного иероглифа все же является *бан*, подобные ассоциации могут сбить человека с толку.

Токио и нахожу страницу с Мэгуро.

«Такацугай» находится практически в центре района. Зажатый между проспектами Комадзава и Мэгуро, он лежит на железнодорожной линии Тоёко. Ближайшая станция – Гакугэй-Дайгаку. Это значит, что мне нужно сесть на линию Маруноути, потом пересесть на Хибия, доехать по ней до станции Нака-Мэгуро, чтобы сделать еще одну пересадку на линию Тоёко, а затем выйти на станции Гакугэй-Дайгаку. Путь неблизкий и займет довольно много времени. Похоже, придется потратить на это весь день.

Я беру сумку, валяющуюся на полу с моего вчерашнего возвращения домой. Достая ксерокопии, сделанные на работе, и раскладываю их рядом с картой.

«Имя: Юкико Тарумия.

Адрес: Токио, район Мэгуро, квартал Такацугай, 4–13, Désir Himonya, квартира 503.

Телефон: 03...»

Нахожу указанный дом на карте. Он находится на углу, выходящем на проспект Мэгуро.

Значит, можно было бы сразу выйти на Нака-Мэгуро и сесть на автобус. Сэкономит ли это время?

Я откусываю кусок тоста, сочащегося маслом, и внимательно изучаю карту. Карманный атлас удобно носить с собой, но изображение настолько мелкое, что начинают болеть глаза и трудно понять, как далеко от проспекта на самом деле находится станция.

После недолгих раздумий выбираю удобство пересадки в метро, а не непредсказуемый по своей длине наземный путь и решаю ехать на Гакугэй-Дайгаку.

Кладу пустую тарелку и кружку в раковину, натягиваю джемпер и джинсы и надеваю часы. Сейчас семь утра. Рановато, но я еду туда впервые, поэтому хотелось бы обойтись без спешки.

Надев кроссовки, выхожу из квартиры. Сегодня я лишь присматриваюсь, поэтому сумка мне не нужна. Запираю дверь и спускаюсь по слабо освещенной лестнице.

Мой риелтор настаивал, что этот дом состоит из одних однокомнатных квартир, но, по сути, это обычный бетонный многоквартирный дом. Без понятия, сколько ему лет, и риелтор тщательно избегал этой темы; но в любом случае это явно довольно старое здание.

Стены лестничной клетки грязного, выцветшего желтого цвета, а на нескольких этажах нет освещения. И дело не только в том, что лампочки перегорели – проблема и в самой проводке. У этого дома есть две отличительные черты: полное безразличие жильцов друг к другу и близость к станции метро. Первое стало очевидным уже после переезда, а второе стало основной причиной, по которой эта квартира мне приглянулась.

Выйдя из подъезда, я перехожу дорогу и оказываюсь прямо у станции. Реклама от агентства недвижимости, в которой говорилось, что «квартира находится в минуте от метро»,

была не преувеличением, граничащим с мошенничеством, а весьма скромной и сдержанной констатацией факта. А бегом получилось бы еще быстрее.

В этом районе линия Маруноути выходит на поверхность, и станция находится над землей. И хоть это не такое уж и редкое явление – подниматься по лестнице, чтобы зайти в метро, – все же кажется немного странным.

Поезд в центр забит людьми, спешащими на работу и в учебные заведения. Взгляд сам собой останавливается на молодых девушках.

Первое время в Токио мне на глаза часто попадались старшеклассницы с нарисованными стрелками, выкрасившие волосы в ржавый цвет и подбравшие брови, на щиколотках которых болтались свободные носки. Они выглядели как орангутаны с дерматозом на ногах, если так вообще можно выразиться, – а сейчас писком моды среди девушек-подростков, похоже, стало полное обесцвечивание волос. Сочетание идеально серебряной шевелюры, как у Доктора, и школьной формы с матросскими воротниками выглядит довольно жутко, будто это не девушки, а пожилые стриптизерши, напялившие одежду для номера на улицу. Однако сами школьницы наверняка убеждены, что во всем мире нет никого круче. Каждая стоит, гордо выпятив грудь, и демонстрирует другим пассажирам самодовольное выражение лица.

Но что же они делают, когда приходят на уроки? Вряд ли ведь существует школа, разрешающая осветлять волосы.

Может, они берут краску у своих матерей и красят волосы где-нибудь в туалетах метро?

Держась за поручень, я думаю о Юкико, с которой мы еще никогда не встречались. Не выжгла ли она свои волосы тоже? Нет, такой неестественный серебристый цвет ей бы не подошел. Увидеть ее такой стало бы большим разочарованием. Надеюсь, она сохранила свой натуральный черный цвет волос.

Пройдя через длинный подземный переход, я оказываюсь на Хибия, сажусь на скамейку на платформе и решаю подождать поезд, идущий прямо до линии Тоёко. По привычке я пробегаюсь глазами по рекламе журналов, расклеенной на стене станции. Заголовки пестрят самыми разными новостями: в африканской республике вспыхнула гражданская война; из-за холодного лета подскочили цены на рис; зимой в моду войдет искусственный мех; школьницы называют крайне популярный тренд на осветление волос «сирокэ» («белые волосы», по всей видимости) – и так далее.

Вероятно, все это может быть для кого-то важным, но точно не для меня. Мне плевать, что происходит в какой-то африканской стране с непроизносимым названием. Я люблю хлеб больше риса. Я не ношу шубы. И школьницы с осветленными волосами мне совершенно не интересны.

Меня интересует Человек-ножницы.

Но теперь он, похоже, перестал быть любимцем СМИ, героем таблоидов и постоянной темой ток-шоу, как это было

раньше. В конце концов, прошло уже больше полугода с момента убийства последней жертвы, так что у журналистов, должно быть, закончился материал для репортажей. И пока Человек-ножницы бездействует, в мире продолжают происходить инциденты, несчастные случаи и скандалы, также заслуживающие широкой огласки.

Я не жалею, что Человек-ножницы утратил былую популярность. Напротив, я давно только этого и желаю: и когда в префектуре Сайтама была убита Мина Кониси, и когда у Токийского залива нашли тело Масаё Мацубары. Пока есть жертвы, СМИ неизбежно будут поднимать шум. А пока хотелось бы, чтобы о Человеке-ножницы вспоминали как можно реже. В идеале его вообще следовало бы забыть.

Оранжевый поезд прибывает на станцию Хибия. Людей в нем немного – возможно, потому что он движется из центра города, – и я могу спокойно занять все трехместное сиденье.

Поезд проходит через темный туннель на станции Нака-Мэгуро и выезжает на поверхность. С путей линии Маруноути он снова уходит под землю, а затем выходит уже на наземные пути линии Тоёко. Я пересекаю центр города с севера на юг под землей, будто какой-то крот, боящийся небоскребов.

За окном простирается хмурое, пасмурное небо. Осенние дожди задержались в городе, и уже несколько дней в облаках не видно даже маленького просвета. Скоро День физкультуры – непогода наверняка испортит спортивные мероприя-

тия. Отменят ли их в старшей школе³ Хадзакура Гакуэн, где учится Юкико Тарумия?

Я выхожу на остановке Гакугэй-Дайгаку, расплачиваюсь в автомате и выхожу на улицу.

Пересекая эстакадную станцию, я рассматриваю компактную торговую улочку. Книжный, закусочная, универсальный магазин, магазин электроники, лавка с лапшой соба – все это можно найти около любой станции. На тонкой проволоке, натянутой между столбами, висят дешевые искусственные цветы, а из динамиков тихо звучит классическая музыка.

Сверившись со своим атласом, я сую его обратно в задний карман джинсов и направляюсь к проспекту Мэгуро. Если верить карте, я уже нахожусь в «Такацугае» и иду в сторону дома Юкико.

После торговой улицы начинается узкий тротуар. Справа появляется высокий решетчатый забор, за которым находится мощное, солидное здание. На его крыше стоит огромная железная башня, окрашенная в праздничные красный и белый цвета. Это филиал NTT⁴ в Мэгуро. Похоже, пока все правильно.

Далее я выхожу на широкий проспект – проспект Мэгуро. Эта надпись на синем указателе продублирована на японском и английском. Я останавливаюсь на перекрестке с на-

³ В японской старшей школе учатся с 15–16 до 17–18 лет.

⁴ Nippon Telegraph and Telephone (NTT) – крупнейшая телекоммуникационная компания Японии.

званием храма и снова смотрю на карту. Сравнив ее с тем, что вижу перед собой, определяю положение NTT и почты. Чтобы найти дом Юкико, видимо, нужно свернуть направо.

Продолжаю идти, пока не упрусь в столб с синей табличкой «Такацугай, 4» – здесь я сворачиваю вглубь квартала, и теперь мне не остается ничего, кроме как проверять названия каждой многоэтажки. Так я начинаю исследовать лабиринты переулков.

Меня поражает, насколько же в Токио много многоквартирных домов.

И после двадцати минут блужданий я наконец замечаю здание кирпичного цвета. Не знаю, к какому архитектурному стилю можно его отнести, но этот дом напоминает гигантскую многоступенчатую платформу из песчаника, лежащую на боку. Стена, выходящая на проспект, изрезана карнизами; прямоугольные длинные стороны образуют балконы, а на коротких видны небольшие окна – вероятно, ванн или туалетов. Над полностью застекленным входом каллиграфичным шрифтом выгравировано *Désir Himonya*. Им же на маленькой постройке с сеткой у дома написано «Пункт приема мусора *Désir Himonya*». Нужны ли обычной мусорке такие почести?

Двери открываются автоматически, и я оказываюсь в вестибюле, выложенном плиткой светлых пастельных тонов. Рядом с входом стоит изящная консоль. Нельзя пройти дальше, пока не наберешь номер квартиры и не позвонишь в до-

мофон, чтобы тебе открыли. Эта безликая металлическая кукла бдит день и ночь, охраняя покой жильцов.

Сегодня у меня нет необходимости проходить дальше. Я приближаюсь к ряду почтовых ящиков, встроенных в стену на дальнем конце вестибюля, и проверяю надпись на ящике с номером 503.

«Кадзухиро Тарумия».

Видимо, так зовут отца Юкико.

Получив все, что мне было нужно, я глажу железную лысину стража этого дома и выхожу на улицу.

Запомнив маршрут, возвращаюсь на проспект и решаю попробовать доехать до станции Нака-Мэгуро на автобусе. Остановку даже искать не приходится. И, подняв глаза, чтобы посмотреть расписание, я наконец понимаю свою ошибку.

На круглой табличке красуется название «Такабан». Не «Такацугай». Образ пары ястребов, расправивших свои длинные крылья и величественно парящих в голубом небе, исчезает без следа.

2

Чтобы узнать, как выглядит Юкико Тарумия, мне нужно будет снова приехать к ее дому в будний день.

Но в девять часов утра следующего дня я отправляюсь на подработку.

Мое нынешнее место работы, издательство «Химурукава», находится на станции Канда Огаваматти – это значит, что я могу доехать до него по прямой. И это является одной из главных причин, почему я работаю там уже более двух лет, побив свой рекорд по работе без перерыва.

Выйдя на станции Авадзитё линии Маруноути, я поднимаюсь на поверхность и сворачиваю в переулок, немного отдаленный от главной улицы. Так я оказываюсь у пятиэтажного здания издательства – хотя на самом деле они им не владеют. «Химурукава» просто арендует третий и четвертый этажи. Несмотря на то что это издательство, оно совсем маленькое: в штате работает чуть больше десяти сотрудников.

Зайдя в лифт, я нажимаю на редкую в наше время выпуклую круглую кнопку и поднимаюсь вверх.

На третьем этаже находится отдел продаж, на четвертом – редакция; номинально они разделены, но на самом деле никакой четкой структуры нет. В самые напряженные периоды ближе к концу месяца я и еще двое сотрудников, работающих на полставки, вынуждены пахать на пределе (и, возмож-

но, даже за пределами) своих возможностей и там, и там.

Классическая ситуация: сделаешь на четвертом этаже пятьдесят с лишним бумажек-копий – спускаешься на третий сортировать учебные материалы, попутно помогая с упаковкой и отправкой. После снова поднимаешься наверх, берешь красную ручку и делаешь вид, что корректируешь тексты, или надеваешь тонкие виниловые перчатки и раскладываешь по конвертам фотопозитивы. В этот момент от главного редактора, госпожи Окадзимы, приходит поручение: у такого-то профессора из такого-то университета необходимо забрать его рукопись, и ты со всех ног мчишься на нужный адрес, чтобы узнать, что великий труд, как всегда, не готов, и пока ты часами сидишь и ждешь его завершения, тот самый такой-то профессор не предложит тебе даже воды из-под крана, не то что кофе.

Короче говоря, запара и суета.

Я открываю матовую стеклянную дверь. Сейчас – в начале месяца – редакция все еще кажется вполне безмятежной, и в ней спокойная атмосфера. Оно и понятно: до начала безумной суеты остается больше десяти дней, и к тому же сегодня суббота. Кто-то потягивает зеленый чай, кто-то впервые за долгое время прибирает свое место, а кто-то пусто глядит на рабочий стол компьютера. Даже обычно строгая госпожа Окадзима смотрит в окно, подперев ладонью щеку.

Но, конечно, среди нас есть и те, кто не может позволить себе расслабиться.

– Ты как раз вовремя! – раздаётся голос Сасадзуки, как только я усаживаюсь за свой стол.

Его глаза бегают под очками в серебряной оправе, когда он скороговоркой выпаливает:

– Мотокурьер, мотокурьер!

И почему этот человек никогда не смотрит на тех, с кем разговаривает?

– Вы хотите что-то отправить из издательства? – уточняю я.

– Да-да. Господин Вада, дизайнер, адрес же знаешь, да?

– Э-э, знаю...

Когда я беру со стола адресную книгу, Сасадзука подходит ближе и вручает мне три диска.

– Вот это.

– Принято, – говорю я.

После этого Сасадзука возвращается на свое место и начинает рисовать что-то ручкой в блокноте. Если у него так много свободного времени, мог бы позвонить курьеру и сам.

Этот невысокий мужчина лет тридцати пяти, кажется, свято верит, что если ты работаешь на неполной ставке, то все эти часы обязан пахать до седьмого пота. С самого первого моего дня в издательстве он постоянно подсовывает нам какие-то мелкие поручения. Даже в такие субботы, когда объемы работы явно невелики, он или находит, или попросту выдумывает дела.

– Мы что, рабы ему, что ли? – однажды в столовой возму-

ценно воскликнул мой коллега Ямагиси.

Ему уже за тридцать, и до издательства он работал на каком-то производстве – пришел к нам оттуда полгода назад. На приветственной вечеринке Ямагиси, покраснев от выпитого тюхая⁵, сказал, что уволился, потому что хотел заниматься креативной работой, но настоящая причина так и осталась неизвестной. Ямагиси носит очки с толстыми линзами и в черной оправе; поскольку он невротичный человек с сильным чувством собственного достоинства, не исключено, что он попросту разругался со своим прошлым начальством.

Через месяц-другой Ямагиси успешно прошел испытательный срок и наконец мог посвятить себя творческой работе, которую так хотел. Он наверняка не предполагал, что через полгода все еще будет заниматься уборкой и завариванием чая. Есть ощущение, что Ямагиси не переносит приказов Сасадзуки, с которым у него совсем маленькая разница в возрасте.

Я же, не имея его амбиций, просто молча их выполняю.

Беру телефон и набираю номер курьера, который давно знаю наизусть.

– «Король скорости», слушаю вас, – слышится в трубке бодрый молодой голос.

Название странное, зато низкие цены. Я говорю от имени компании и сообщаю адрес доставки. Немного подождав под рок-музыку, от громкости которой уши готовы скрутиться в

⁵ Название для смеси спирта и безалкогольных напитков.

трубочку, слышу:

– Курьер будет у вас примерно через двадцать минут.

На случай дождя я заворачиваю диски в пакет, кладу его в крафтовый конверт и заклеиваю скотчем. Потом достаю из ящика стола бланк, вписываю адрес и номер телефона господина Вады, а затем клею его на конверт.

В тот момент, когда я кладу готовую посылку на стол, Сасадзука уже открывает рот, чтобы поручить мне новое задание. Делаю вид, что не замечаю этого, встаю и направляюсь к столу госпожи Окадзимы.

Она продолжает сидеть, подпирая щеку ладонью, и смотреть на пасмурное небо за окном. Ничего не меняется даже тогда, когда я подхожу к ее столу вплотную.

– Интересно, сколько еще будет длиться эта унылая погода, – лишь бормочет она.

Госпоже Окадзиме где-то за пятьдесят. Седеющее каре обрамляет ее вытянутое ненакрашенное лицо. Она всегда носит простые, но стильные костюмы.

Когда мы познакомились, у меня сложилось впечатление, что она – типичная карьеристка, но поскольку госпожа Окадзима руководит всей редакцией в одиночку, нет никаких сомнений, что она действительно способный человек. Это сразу становится ясно, если с ней поработать. Среди всего весьма немногочисленного количества людей, которых я знаю, единственный, кто может сравниться с ней в остроте ума, – это Доктор.

– Что-то случилось? – повернувшись ко мне, с улыбкой спрашивает госпожа Окадзима.

– Хотелось бы попросить вас об еще одном отгуле во вторник...

– Во вторник? Это четырнадцатое число? – Взгляд госпожи Окадзимы падает на настольный календарь. – Хорошо. У тебя какие-то неотложные дела?

– Ну, можно и так сказать.

– Полагаю, ты ничего мне не расскажешь, даже если я попрошу?

Молчу. Не могу же я сказать, что собираюсь следить за школьницей.

– Ну так уж и быть. У нас все равно пока не так много дел, – говорит госпожа Окадзима, а потом в шутку добавляет: – Но если брать слишком много выходных, в штат попасть не сможешь.

– Я не мечу в штат, – отвечаю я.

Госпожа Окадзима преувеличенно тяжело вздыхает, ставит локти на стол и кладет подборок на руки. С детской озорной улыбкой она заглядывает мне в лицо.

– Знаешь, тебе стоит быть повежливее. Ты просто-напросто обрываешь разговор.

– Простите.

– Не извиняйся.

Взгляд госпожи Окадзимы возвращается к окну.

Выпросив отгул, я возвращаюсь на свое место и сразу по-

лучаю от Сасадзуки приказ идти прибраться на складе, если мне больше нечем заняться. И это оказывается как раз кстати – мне действительно нужно туда заглянуть.

Несмотря на свое громкое название, склад – не какое-то отдельное здание; это просто комната рядом с редакцией, идентичная ей по планировке и полностью заставленная стальными стеллажами, на которых беспорядочно навалены самые разные документы.

Если взглянуть на эти стеллажи сбоку, кажется, что история издательства «Химурокава» на них выложена слоями, напоминающими геологические пласты земли.

К примеру, при поиске материалов, уже использованных в публикациях, в самом низу можно найти пакеты, набитые линованной бумагой для рукописей; над ними будет стопка папок с документами, распечатанными с компьютера; а еще выше – коробка с дискетами.

После этого наступил славный золотой век электронной почты, благодаря которому рукописи практически перестали существовать в физическом варианте, и слои должны были перестать накапливаться. Однако по еще не ясным причинам в одну прекрасную ночь произошла катастрофа: случился сбой в работе большого жесткого диска, подключенного к интернету. И молвил тогда Бог, что все документы, полученные по электронной почте, должны храниться в распечатанном виде, и на коробках с дискетами вдруг снова выросли старые добрые горы бумаги.

Я прохожу вдоль стеллажей к задней части склада, где установлен новый картотечный шкаф.

Изначально «Химурокава», по всей видимости, было тесно связано со сферой образования. Издательство печатало в основном альбомы выпускников средних и старших классов, справочники по поступлению в университеты, брошюры и тому подобное. Однако демографическая яма и снижение числа молодых людей в стране постепенно привели к упадку этой отрасли, и несколько лет назад «Химурокава» переключилось на другие виды деятельности.

Я приседаю перед шкафом на корточки. Картотека разделена по регионам, а затем по названиям в алфавитном порядке.

Вытаскиваю ящик района Мэгуро в Токио. Документы Юкико Тарумии находятся сразу.

Итак, как ее успехи?

«Английский язык – 84 балла, математика – 94 балла, естественные науки – 79 баллов».

По сравнению с прошлым разом баллы по естественным наукам немного снизились, но в целом успеваемость все такая же прекрасная. Особенно впечатляют 94 балла по математике. На сегодняшний день это ее лучший результат.

Я читаю карточку с обратной связью от Юкико. Знаки аккуратно выведены шариковой ручкой.

«На этот раз вопросы в тесте по естественным наукам были немного сложными, поэтому я ответила

на то, что смогла. Физика и химия всегда были моими слабыми местами. Думаю, мне нужно стараться лучше...»

Почему Юкико хорошо разбирается в математике, но естественные науки даются ей с трудом? Такому глупому человеку, как я, эти дисциплины кажутся похожими.

Интерес к Юкико вырастает еще сильнее.

Я возвращаю ведомость в шкаф.

Несколько лет назад издательство «Химурокава» в сотрудничестве с другой компанией начало предлагать дополнительные занятия для школьников. Вместо того чтобы вести широкий набор клиентов по всей стране, они нацелились на элитное образование, центр которого находится в столице. В рекламных брошюрах говорится о «предоставлении высококачественного образования одаренным детям». Восемьдесят процентов родителей школьников считают, что их чадо обладает каким-то исключительным талантом; а участие в программе сделали легкодоступным.

«Химурокава» поручило рекламу и набор участников партнерской компании, полностью сосредоточившись на производстве учебных материалов и проверке тестов. Многолетний опыт и связи в сфере образования здесь пришлись как нельзя кстати: у издательства никогда не было недостатка в учителях или аспирантах на неполной ставке, которые готовы создавать и проверять задания.

В картотеке хранятся заявки на вступление от клиентов

со всего региона Канто, а также ведомости об успеваемости и карточки с отзывами. Именно они привели меня к Мине Кониси и Масаё Мацубаре. И благодаря именно этому картотечному шкафу мне на глаза попалась еще никому не известная Юкико Тарумия.

Я приступаю к небрежной уборке склада. Дверь открывается, и внутрь заглядывает Сасадзука.

– Приехал курьер, – объявляет он, не глядя на меня, и сразу же исчезает обратно.

Он явно не собирается разбираться с этим самостоятельно.

Я возвращаюсь в редакцию, вручаю курьеру с татуировкой на тыльной стороне ладони конверт и оплачиваю доставку. Мне интересно, что должно твориться в голове, чтобы сделать на таком месте татуировку с Багзом Банни⁶, но я воздерживаюсь от лишних вопросов.

В выходной редакция закрывается в четыре часа дня. Я перекидываю сумку через плечо, прощаюсь и покидаю здание ни минутой позже.

Выйдя из метро, делаю небольшой крюк и захожу в аптеку. Сегодня суббота, поэтому мне нужно кое-что купить.

В аптеках американского типа, которые стали популярными в Японии в последние несколько лет, продаются не только лекарства и прочие медицинские принадлежности, но и моющие средства, кухонные принадлежности, безалкоголь-

⁶ Персонаж мультфильмов компании Warner Bros., беспечный хитрый кролик.

ные напитки и просто продукты. Короче говоря, это супер-маркеты, в которых продаются еще и лекарства.

Однако я здесь все же за медицинскими товарами.

Оглядев полки и немного поразмыслив, я решаю купить жидкое крезоловое мыло.

Конечно же, чтобы покончить со всем.

Я просыпаюсь в кровати со жгучей болью в груди. Острая и холодная, она распространяется от верхней части живота до области вокруг рта. Чувствую, как желудочный сок поднимается вверх. Опершись на правую руку, я хватаю пакет из аптеки, висящий рядом с кроватью. Меня рвет желтой жидкостью. Ротовую полость жжет, и боль ползет глубоко в нос.

Тошнота не проходит даже после того, как из меня выходит вся крезоловая жидкость. Плечи и мышцы живота сводит в приступе рвоты, но в желудке ничего не осталось. Выходят только слезы и слюна.

И когда рвота наконец прекращается, остается неприятная изжога.

Я с трудом поднимаюсь с кровати и, пошатываясь, иду в ванную. В квартире темно, лишь свет уличного фонаря проникает через окно.

Нажав на выключатель, осматриваю себя в зеркало. Кончик языка пожелтел и неприятно опух. Он тупо болит, если нажать пальцем, и вмятина медленно выправляется.

Щеки у меня тоже круглые и опухшие, но вины крезолы в этом нет. Они всегда такие.

Умывшись и прополоскав рот, я сажусь на стул.

На круглом столе стоит стакан, наполовину заполненный липкой желтой жидкостью с резким запахом. Жидкости бы-

ло немного, но выпить все у меня не получилось. Я не могу заставить себя пить это снова, поэтому выливаю оставшееся в туалет вместе со рвотой из пакета.

Голова тяжелая и мутная. Я возвращаюсь в постель и падаю на спину.

Нащупывая на тумбочке будильник, я хватаю его и подношу к лицу. Два часа ночи. Значит, с моей попытки прошло семь часов.

И, хоть все тело и охвачено болью, а ноги ватные и не гнутся, у меня ничего не вышло.

Потолок, который я и так едва ли могу разглядеть, постепенно становится все туманнее. Я знаю, что будет дальше. Это происходит каждый раз.

Мне придется снова встретиться с Доктором.

Он сидит за своим столом в кабинете, увлеченный чтением – как и всегда. Вероятно, читает какую-то мудреную книгу, имя автора которой знают полтора человека.

– А вот и ты. Похоже, еще одна попытка не увенчалась успехом. – С этими словами Доктор кладет в книгу закладку, откладывает ее в сторону и разворачивается на своем кресле.

Ему около шестидесяти лет. Хоть волосы и не расчесаны, они – короткие и идеально серебряные – разделены проборм посередине. Белый халат с четкими прямыми складками, скорее всего, абсолютно новый.

Доктор худощавый и носит круглые очки в черной оправе; на его тонких губах, пересекающих острый, угловатый под-

бородачок, постоянно играет насмешливая улыбка, будто он считает меня самым тупым человеком на свете.

Я его ненавижу.

– Итак, расскажи мне. Зачем это было?

Уж кто-кто, а он точно должен знать, что я хочу этого. В конце концов, я попадаю к нему на прием каждый раз, когда у меня не получается.

– Ты снова не так выражаешься. – Доктор выпрямляет спину и смотрит мне прямо в глаза. – Если бы тебе и впрямь такого хотелось, у тебя получилось бы сделать это уже очень давно. Разве я не прав?

Но я действительно хочу. Искренне. Я не притворяюсь и не испытываю свой организм на прочность.

– Но ты все еще здесь. Следовательно, твое желание остается полностью недоказанным. Можешь сколько угодно твердить это и пытаться снова и снова – все тщетно. Никто тебе не поверит. И я тоже, конечно.

У меня правда не получилось заставить себя выпить смертельную дозу. Рот горел огнем, виски онемели, сознание ускользало. Тело воспротивилось, несмотря на мое желание.

Но бесполезно пытаться доказывать, что это произошло не из-за моего пресловутого «подсознательного желания остаться».

– Я не собираюсь говорить тебе такой бред. Знаешь ли, нет такого понятия, как подсознание. Существуют лишь факты, – начинает поучать меня Доктор. – У тебя не получи-

лось. Следовательно, можно считать, что тебе и не хотелось. Если же ты преуспеешь, твое желание будет подтверждено. Ничего больше. Коротко и ясно, разве нет? Соответственно, единственный способ доказать свое желание умереть – это успешно покончить с собой.

Если от всего сердца захотеть, у меня получится?

– Нет, нет. Совсем не так. Умом ты действительно не блещешь. – Доктор притворяется озадаченным. До чего же мерзкий тип. – Объясняю тебе на пальцах. Человек, который умер, хотел этого. И наоборот, человек, который не умер, не хотел. Если коротко, не имеет значения, чего этот человек желал, чего пытался добиться. Единственное, что известно наверняка, – это то, что он умер. Поэтому, независимо от того, умер ли этот человек от старости, в результате несчастного случая на работе, в ДТП или все же покончил с собой, мертвые считаются желавшими умереть. Видишь ли, всякий раз, когда на трассе разбивается гонщик «Формулы-1» или в горах гибнет альпинист, всегда найдутся шарлатаны, которые будут нести лжепсихоаналитическую чепуху о бессознательном влечении к смерти, но на самом деле это не так. – Доктор широко раскрывает рот и усмехается.

Я на мгновение задумываюсь. Кажется, он снова меня обманывает.

Доктор хочет сказать, что умирающий от старости человек на самом деле хочет умереть? Если бы было так, то люди могли бы жить вечно, пока это желание у них не возникнет.

– Совершенно верно. Пока человек не хочет умирать, он может жить двести или даже триста лет. Или десять тысяч, сто миллионов лет, – просто отвечает Доктор.

Он наверняка издевается надо мной. Абсолютно точно.

– Причина, по которой пожилые люди все-таки доживают свой естественный век, заключается в том, что в конце концов они приходят к мысли, что больше не хотят жить. Если бы они так не думали, то могли бы жить гораздо дольше, понимаешь? Из этого следует мысль, что всякая смерть – самоубийство. – Рот кривится в презрительной улыбке. – И ведь кто-то на самом деле так думает! Например, один американский психолог-юнгианец. Хотя среди юнгианцев вообще много дураков.

С меня хватит. Больше не могу слушать эти бредни.

Прерываю наш сеанс и возвращаюсь в постель.

В окно заглядывает солнце, в комнате уже светло.

Повернув голову в сторону будильника, вижу, что уже почти полдень воскресенья. Изжога и боль значительно ослабли. Мне стало лучше.

Когда я встаю, ноги все еще кажутся ватными. Сомневаюсь, что смогу сегодня нормально двигаться.

Поэтому и выбираю субботу.

Однажды у меня была попытка в будний день. Из-за выпитого грудь тогда тоже горела от боли, меня тошнило. Если верить Доктору, так работает поверхностно-активное вещество.

А при рвоте изо рта и носа хлынула пена, раздувающая мыльные пузыри, которые сверкали и танцевали по краю унитаза. Я отчетливо помню свой смех, несмотря на то что дышать было очень трудно.

Ноги не держат меня даже на следующее утро, поэтому приходится звонить в издательство и экстренно брать отгул. Сасадзука, поднявший трубку, с тревогой в голосе спрашивает, все ли со мной в порядке.

Я не боюсь смерти, но ненавижу мысль о том, что могу доставить неприятности другим, если выживу.

За эти слова Доктор бы снова начал меня дразнить, спрашивая, действительно ли я хочу умереть.

– Туго живется без мозгов, – сказал бы он.

Я лежу на спине в постели и смотрю в потолок. Доктор всегда раздражается из-за моей глупости и издевается надо мной. Мне прекрасно известно, что голова у меня варит плохо, поэтому не могу с ним спорить, хоть слышать это и обидно. Мое возмущение ничего не изменит.

Прошло уже больше года с тех пор, как Сасадзука поручил мне систематизировать электронный список участников заочного курса. В компьютерах я не разбираюсь, но с инструкцией это было выполнимо. И вдруг мой взгляд остановился на одном имени.

Ее успеваемость на тот момент была идеальной. Она постоянно получала чуть ли не наивысшие баллы по всем предметам.

Умные девушки всегда меня восхищали.

В моей голове крепко засело имя Мины Кониси. А через несколько дней мною был обнаружен картотечный шкаф на складе, где хранились данные участников программы, и документы Мины тут же оказались у меня в руках.

Она училась в десятом классе и жила в маленьком городке префектуры Сайтама. В заявлении были указаны ее имя, адрес и номер телефона, а также приложены справки об успеваемости и рукописная анкета. Круглые знаки, написанные синей шариковой ручкой, вызвали у меня улыбку.

Мой интерес неуклонно рос, и все воскресенье той недели было потрачено на прогулку по городку Мины. В конце концов мне захотелось увидеть ее лицо и услышать голос, поэтому пришлось начать следить за ее домом и позвонить ей, притворяясь, что вышла ошибка.

Мина Кониси идеально соответствовала образу, который возник в моей голове. Не красавица, но с молодым, милым лицом, она носила каре и очки в серебристой оправе, одевалась достаточно просто. Мина казалась умной, но застенчивой; даже на прогулках с друзьями она сдерживалась, предпочитая внимательно слушать, а не говорить.

После месяца постоянных наблюдений мне захотелось сблизиться с ней. Увидеть ее не издалека, а совсем рядом.

Поэтому однажды со мной в Сайтаму отправилась еще и сумка через плечо. Там лежали тонкие виниловые перчатки, украденные мной из издательства, и толстая веревка с узла-

ми.

А также ножницы, тускло отливающие серебром.

Второй понедельник октября – День спорта, когда в школах проводятся соревнования, а те взрослые, которые обычно двигаются мало, могут задуматься о пробежках. Я же, однако, весь день валяюсь в кровати. На языке остался привкус крезольной жидкости, и аппетита у меня нет.

Ко вторнику, четырнадцатому числу, я наконец прихожу в себя. Позавтракав тостами с апельсиновым соком, я раскладываю на круглом столе атлас Токио и обдумываю свои планы на день.

Юкико Тарумия учится в одиннадцатом классе частной старшей школы Хадзакура Гакуэн. Где мне ждать ее, когда она пойдет домой?

Благодаря справочнику общественных учреждений Токио я уже знаю адрес ее школы. Я прослеживаю пальцем на карте маршрут Юкико до дома. Она может проехать по линии Тоёко в метро или сесть на автобус, идущий по проспекту Мэгуро. Вероятно, Юкико выйдет либо на станции Гакугэй-Дайгаку, либо на автобусной остановке Такабан – той самой, правильное чтение которой она так любезно мне объяснила, – и пойдет до дома пешком. Сейчас я не могу предугадать, что она выберет.

Караулить Юкико у дома кажется лучшим вариантом. Только вот ожидание у входа не гарантирует, что заходящая

в здание школьница действительно будет Юкико. Не исключено, что в этом доме живет еще как минимум одна семья, где есть такая же старшекласница, ходящая даже в ту же школу.

Для начала нужно узнать, как выглядит форма Хадзакуры Гакуэн.

На часах восемь утра. Если выйду сейчас, то спокойно успею к обеденному перерыву в школе.

Я выхожу из дома. Осенний дождевой фронт все еще не ушел, и сегодня тоже пасмурно.

Как и четыре дня назад, я пересаживаюсь с линии Маруноути на линию Хибия, затем на Тоёко, проезжаю Гакугэй-Дайгаку и наконец прибываю на нужную станцию.

Старшая школа Хадзакура Гакуэн находится в нескольких минутах ходьбы к югу от входа в метро, на вершине пологого склона. В тихом жилом районе; его могли бы рекламировать как идеальную среду для учебы, и это даже не было бы преувеличением. Вдоль улицы тянутся аккуратно подстриженные живые изгороди, а в полуоткрытом окне одного из домов развеваются белые кружевные занавески. Здесь живут интеллигентные люди, которые могут наострить уши даже из-за звука хлопнувшей двери соседской машины.

Тем не менее, стоит только дойти до станции, появляется множество заведений с фастфудом, пабов и караоке-баров. А тот факт, что по линии Тоёко можно напрямую доехать до Сибуи, вряд ли хорошо влияет на прилежность учебы стар-

шеклассников – несмотря на такую спокойную обстановку района.

Между зданием школы и спортивной площадкой пролегал широкая дорога из красного кирпича, протянувшаяся от главных до задних ворот. Вдоль нее высажены тополя. Стрелки больших часов, находящихся в центре чисто белого школьного здания, показывают одиннадцатый час. Занятия еще идут, и на кирпичной дороге не видно ни одного человека. Откуда-то доносится непринужденная живая мелодия – видимо, из класса музыки, где сейчас проходит урок.

В поисках места, где можно было бы скоротать время до полудня, я натываюсь на небольшой парк. Усевшись на скамейку, молюсь, чтобы не пошел дождь, и наблюдаю за молодой мамой, малыш которой играет на площадке. Ребенок лет пяти залезает на большую деревянную конструкцию и прыгает на толстой веревочной сетке. Мать смотрит на сына, поглаживая свой круглый живот.

Вдали раздается звон, похожий на звук церковного колокола, – наступил полдень. Я покидаю парк и возвращаюсь к школе.

На кирпичной дороге появились ученики. Форма в виде светло-зеленых блейзеров одинаковая для всех; брюки мальчиков и юбки девочек такого же цвета. Мальчики сняли блейзеры, закатали рукава рубашек и теперь поглощены игрой в футбол на площадке. Узнав все, что мне было нужно, я возвращаюсь по склону, на котором бок о бок выстроились

жилые дома. Решаю пообедать фастфудом возле вокзала – чизбургером и теплым кофе.

Кофе в заведениях быстрого питания слишком крепкий, а в семейных ресторанах – слишком слабый. Это первый закон индустрии общественного питания.

Взяв поднос, я поднимаюсь в зал наверху. В обед буднего дня здесь почти никого нет, только группа домохозяек, поглощенных беседой, заняла один уголок, оставив своих детей бегать без присмотра. Ребенок дошкольного возраста с нечленораздельными звуками хватает горсти картошки из большой бумажной коробки и с аппетитом ее пожирает.

Второй закон индустрии общественного питания гласит, что картофель фри в фастфуде обычно целиком мягкий.

Он должен быть хрустящим снаружи и мягким внутри. Однако в большинстве случаев картошка фри в таких заведениях ужасно вялая, и если взять одну палочку за конец, она согнется в корявый вопросительный знак. Это происходит потому, что его готовят заранее, а затем оставляют на решетках под инфракрасными лампами.

Тем не менее ребенок набивает рот мягкой картошкой абсолютно счастливо.

Это напоминает мне байку о том, что вкусовые пристрастия человека формируются в раннем детстве. К тому времени, когда ребенок вырастет, мягкий картофель фри вполне может стать нормой.

Немного отдохнув здесь, я направляюсь к станции метро.

На торговой улице у Гакугэй-Дайгаку людей тоже немного. В этот раз добираюсь до Désir Himonya, не заблудившись.

Железный страж у входа по-прежнему усердно выполняет свою работу. Я прохожу мимо него и подхожу к почтовым ящикам.

Проверяю каждый по очереди. Неудивительно, что люди хотят жить в стильном доме с таким прекрасным расположением.

На ящике 707 квартиры я замечаю напечатанную на лазерном принтере наклейку HYPERPRISM с логотипом-кристалликом, украшенным комиксными звездочками. Вероятно, его создали при помощи 3D-графики. Это может быть офис графического дизайнера или компании, которая занимается чем-то похожим.

Я подхожу к консоли, ввожу цифру 707 и нажимаю кнопку вызова.

– Да? – из динамика раздается молодой мужской голос.

– Курьерская служба «Король скорости», – отвечаю я как можно более весело, наклонившись к микрофону. – Для вас посылка.

К счастью, молодой человек не спрашивает от кого. Видимо, он действительно на постоянной основе пользуется услугами курьеров и привык к таким звонкам.

– Спасибо. Входите.

Раздается низкий гудок. Когда я подхожу к автоматическим дверям, они раздвигаются, и я попадаю в вестибюль,

выложенный такой же плиткой. В лифте нажимаю на кнопку пятого этажа.

Там передо мной простирается коридор в спокойных кремово-белых тонах. Большие стеклянные окна, выходящие на север, полностью занимают одну стену, а темно-коричневые двери – другую.

Я нахожу квартиру 503, на двери которой указаны имена: Кадзухиро, Тосиэ, Юкико, Кэндзабуро. Это похоже на стихотворение. Кадзухиро, Тосиэ, Юкико, Кэндзабуро – шепчу я эти имена. Похоже, семья Тарумия состоит из четырех человек. А у Юкико есть младший брат.

Я представляю себе их семейный портрет. Юкико восемнадцать, поэтому ее родителям должно быть за сорок. Если в этом здании может быть компания с ограниченной ответственностью, значит, это арендная недвижимость, но жизнь в таком роскошном доме близко к центру города говорит о большом достатке семьи. Тот факт, что Юкико учится в частной старшей школе, лишний раз доказывает, что ее семья принадлежит к высшему среднему классу или, по крайней мере, считает себя принадлежащей к нему.

Отец, вероятно, работает в крупной корпорации с офисом в какой-нибудь высотке в центре. Скорее всего, к сорока годам он только начал свой путь к руководящим должностям, занимая пост заместителя или помощника начальника отдела.

Я представлю себе мужчину в костюме от бренда типа

«Армани», с очками в серебряной оправе. Хотя, возможно, мозг подсовывает мне образ какого-то актера из телесериала.

О матери и брате у меня нет абсолютно никакой информации, поэтому с ними приходится туго. И если Тосиэ Кадзухиро я еще могу представить в виде какой-нибудь актрисы, играющей в сериале роль матери, то вот с братом не получается ничего. Я даже не знаю, сколько ему лет. Он учится в средней школе? В начальной? Может быть, это вообще младенец, который только начал ползать или ходить? Эта часть семейного портрета остается пустой.

Юкико мне представлять не нужно. Если подождать здесь, скоро она сама предстанет перед моими глазами.

Я отхожу от двери и ищу место, где можно спрятаться.

Напротив лифта, в конце коридора, есть лестница. Чистая и ярко освещенная, без гуляющих теней и клубящегося мрака, она совсем не похожа на лестницу в моем доме.

У каждого свое место. Кто-то живет в глинобитных хижинах, кто-то – в иглу, кто-то – в ветхих бетонных квартирах, а кто-то – в роскошных апартаментах, охраняемых электроникой. Это нормально.

Хотя внешнему виду этой лестницы явно не уделили большого внимания. Стены остались голыми, их даже не покрасили. Вероятно, это лестница для экстренной эвакуации. Вряд ли кто-то будет специально подниматься на пятый этаж пешком, когда в доме есть такой прекрасный лифт, – только если этот кто-то не сидит на диете.

Думаю, здесь меня заметить не должны.

Я усаживаюсь на лестничной клетке и смотрю на свои наручные часы. Два часа дня. Не знаю, во сколько сейчас заканчиваются занятия в старших классах, но мне придется ждать как минимум три часа.

Однако в итоге выясняется, что мои прогнозы оказались чересчур оптимистичными.

Юкико не вернулась домой даже после шести. Каждый раз, когда на этаже останавливался лифт, из него выходили только мужчины в костюмах и женщины, похожие на домохозяйек. Ни одного человека в светло-зеленом блейзере.

Сейчас уже почти восемь вечера. Юкико, видимо, не из тех прилежных девушек, которые идут домой сразу после уроков. Или, может, она занята в школьном клубе?

Желудок начинает сводить – вероятно, из-за того, что на обед у меня был один фастфуд.

Я уже думаю сдать и уйти, когда слышу звук приближающегося лифта. Я поднимаюсь по лестнице и заглядываю в коридор из-за угла. Из лифта выходит девушка в светло-зеленом блейзере.

К моему счастью, ее длинные волосы переливаются черным, как смоль, глянцем. Она среднего роста. Стройная, с длинными изящными ногами, выглядывающими из-под юбки, она идет по коридору с большой тканевой сумкой. В голове тут же возникает мысль, что она очень красивая. У нее заостренный подбородок, густые брови и глаза со слегка при-

поднятыми уголками, что делает ее похожей на кошку. Не бродячую подзаборную, а породистую – американскую короткошерстную.

С расстояния разглядеть трудно, но, похоже, у нее нет пирсинга в ушах, бровях или носу. Видимо, она действительно задержалась в школьном клубе, а не шлялась по улицам или заходила куда-то после школы. Девушка подходит к двери квартиры 503 и нажимает на звонок. Никто не отвечает, но дверь сразу открывается, и она заходит внутрь.

Эта девушка, без сомнения, Юкико Тарумия.

Отгулы брать больше нельзя, поэтому следующие три дня я усердно тружусь.

В пятницу, семнадцатого октября, я отпрашиваюсь с работы раньше, сразу после трех часов дня. Госпожа Окадзима говорит, что со следующей недели так делать уже не получится, но отпускает меня.

Я знаю, что скоро работы станет невпроворот. Так что сегодня, вероятно, последний шанс в этом месяце провести расследование.

Через час я уже сижу в том же парке возле школы Юкико. Впервые за долгое время вышло солнце и дует приятный ветерок. Хоть такая погода явно благоволит прогулкам на свежем воздухе, мама с сыном, которые были здесь в прошлый раз, не пришли. Сетка на площадке печально колышется.

Подгадав момент, я направляюсь к школе. Ученики уже выходят. Я стою на автобусной остановке перед главным входом и наблюдаю за группками старшеклассников в блейзерах.

Назвать Хадзакуру Гакуэн одной из самых престижных школ Токио было бы преувеличением, но для жителей близлежащих районов она известна как школа для детей из состоятельных семей. Не таких, которые могут позволить себе отдельный дом, но тех, что живут в огромных квартирах.

Они пользуются антисептиками, хранят много овощей без ГМО в больших холодильниках с функцией сохранения свежести, по выходным обедают всей семьей в итальянских ресторанах, а няньками их маленьким детям служат кассеты с мультфильмами.

Юные школьники с лицами, полными жизни, которые сейчас уверенно шагают по дороге из красного кирпича, наверняка провели счастливое детство, мечтая о Золушке и Аладдине, а также учась бережно относиться к природе под влиянием Тоторо.

Спустя минут двадцать там наконец появляется Юкико Тарумия, разговаривающая с какой-то миниатюрной девушкой – по-видимому, одноклассницей. У нее круглое лицо, очки в серебристой оправе и слегка выступающие передние зубы. Ей не мешало бы поставить брекеты. Видимо, в детстве родители не запрещали ей сосать палец. Эта девушка выглядит как карикатура на японца ушедшей эпохи.

Девушки проходят мимо остановки и начинают спускаться со склона.

Я осторожно следую за ними, не сокращая дистанцию.

Хоть их голосов и не слышно, становится очевидно, что в основном говорит миниатюрная девушка. Юкико молча слушает, улыбаясь. Ее длинные волосы развеваются на осеннем ветру, трепеща, будто черные крылья.

Девушки расстаются у входа в метро. Юкико добирается до школы по линии Тоёко.

Я ускоряю шаг, оставив ее махать рукой своей школьной подруге, и захожу на станцию раньше. Там я покупаю билет до Гакугэ-Дайгаку в автомате и жду за турникетами, делая вид, что читаю доску объявлений.

Вскоре я вижу Юкико. Она достает из внутреннего кармана пальто кошелек и прикладывает к турникету проездной.

Я иду за ней вниз по лестнице на платформу.

В пять часов дня метро начинает заполняться людьми, спешащими домой. И хоть толкучки в вагоне еще нет, все сидячие места заняты, и многие люди стоят, так что разглядеть кого-то издалека будет проблематично. Я решаю зайти в те же двери вагона, что и Юкико.

Я прислоняюсь спиной к поручню у выхода и исподтишка поглядываю на нее, стараясь не привлекать внимания. Юкико стоит немного дальше, держась за подвесной ремень. Ее подбородок слегка приподнят, взгляд устремлен в потолок. Погружена ли она глубоко в раздумья, или, может, ее привлекла реклама женского еженедельного журнала, висящая наверху?

Чем больше я смотрю на нее, тем красивее она мне кажется.

Если даже я считаю ее привлекательной, Юкико, вероятно, невероятно популярна среди сверстников. Раньше было такое выражение – «сильна и умом, и красотой». Не могу не надеяться, что она никогда не повстречает в переполненном утреннем поезде извращенца.

Когда поезд приближается к станции Гакугэй-дайгаку, Юкико снимает сумку с багажной полки. Я выхожу перед ней.

Встав у киоска под линией электропередач, я вскоре вижу, как она, пройдя через турникеты, направляется к небольшой клумбе перед входом в метро. Домой она не спешит. Взглянув на тонкие часы на левой руке, поднимает глаза, чтобы сравнить время с цифровыми часами на станции.

Вероятно, кого-то ждет. Свидание после уроков. Можно только позавидовать.

Но если бы это был парень из школы, им не нужно бы было договариваться о встрече именно здесь. Они могли бы поехать прямо оттуда на Сибую или куда-нибудь еще. Значит, он из другой школы? Хотя это легко может быть и кто-то постарше – студент или даже работающий мужчина.

Их встреча была назначена на полпятого. Когда число 32 на станционных часах превращается в 33, через турникеты проходит мужчина и подбегает к Юкико. Ему лет тридцать пять или сорок, одет во что-то похожее на дизайнерский костюм.

Я подслушиваю разговор, украдкой поглядывая на них.

«Прости, опоздал». Извиняющийся взгляд. «Всего на две минуты». Улыбка. «Да?» Улыбка в ответ. «Куда пойдем?» Раздумья. «Бургеры, может?» – «Ты угощаешь?»

После этого они направляются к северной стороне вокзала. Вероятно, в ресторан быстрого питания.

Следуя за ними, я размышляю. Любви, конечно, все возрасты покорны, но такая большая разница все-таки немного напрягает. В голове мелькает неприятное слово «папик», но я сразу же отбрасываю эту мысль. Ни одна девушка не стала бы встречаться с клиентом или любовником перед станцией, через которую она каждый день ездит в школу из дома. К тому же кормить содержанку бургерами – это как-то дешево, как ни посмотри.

Я захожу в заведение с фастфудом. Юкико и мужчина уже сделали заказ и теперь собираются подняться с подносами в зал. Я заказываю кофе и, держа стаканчик в одной руке, иду по лестнице.

В зале наверху много людей. Я сажусь за стойкой у окна и, морщась от слишком крепкого кофе, приступаю к наблюдению.

Они сидят друг напротив друга за столиком в глубине зала.

Мужчина говорит с мягкой улыбкой. В зале шумно, и я не могу разобрать слов.

Затем раздается легкий звонкий смех. Юкико, которая до этого молча слушала мужчину, щурится и прикрывает рот рукой, будто ей ужасно весело.

При мне она так еще не смеялась. Мужчина, кажется, тоже теряется на мгновение. На лице появляется странное выражение, но он быстро меняет его на скромную улыбку. Кем бы он ни был, этот мужчина, похоже, довольно близок с Юкико.

Через полчаса они уходят.

Я слежу за Юкико уже довольно долго. Посчитав, что дальше идти за ними будет слишком опасно, я наблюдаю за их удаляющимися фигурами из окна. Они идут плечо к плечу по направлению к проспекту. Увидев такую трогательную сцену, я думаю, что это, должно быть, ее отец – Кадзухирос.

Он несколько отличается от того образа, который уже содался в моей голове, но это мягкий и добрый человек. Замечательный отец, вечно молодой и следящий за трендами.

После школы Юкико встретила с отцом на вокзале, и он угостил ее фастфудом. Конечно, дома их ждет вкусный ужин, приготовленный мамой, Тосиэ, но пока они наслаждаются легким перекусом.

Возможно, это тоже сцена из какого-то сериала, которые крутят по телевизору.

Несмотря на то что госпожа Окадзима пообещала запару из-за конца месяца на следующей неделе, туго становится уже на следующий день, восемнадцатого числа. Чтобы благополучно пережить эти дни, полные шума и хаоса, необходимо очистить душу, забыть о личных делах и вложить в работу всю свою мудрость и мужество. В противном случае разъяренный дух Сугавары-но Митидзанэ, покровителя всех наук, обрушит на вас невообразимо страшное проклятие.

Первая проблема заключается в том, что текст вступительной статьи для журнала, заказанный у такого-то профессора из такого-то университета, остается в статусе неза-

конченного до неопределенного срока. Младшие сотрудники редакции не добились никаких успехов, поэтому теперь на поле боя выходит она – сама госпожа Окадзима, главнокомандующий, который начинает ежедневные набегі со звонками-напоминаниями.

Она использует все доступные методы: подтверждение даты крайнего срока, расспросы о ходе работы, мольбы, давление на жалость и даже еще одну тайную опцию. Подозреваю, что, если бы она была помоложе лет эдак на десять, в ее арсенале могли бы найтись и еще какие-нибудь интересные средства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.